

ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 141.32

Е.В. Аригунова

СКУКА И ВРЕМЯ

Статья подготовлена в рамках государственного контракта на выполнение поисковых научно-исследовательских работ для государственных нужд в рамках Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», мероприятие 1.1, проект «Онтология современной философии языка» (2009-1.1.-303-074-018).

Отношение между фундаментальной скукой и временем можно рассмотреть с двух позиций: время внутри скуки и историчность феномена скуки. Скука на общекультурном уровне имеет свою историю, а как экзистенциальное состояние вневременно и присуще каждому человеку. Как возможно одновременное существование этих двух позиций?

Ключевые слова: скука; время; длительность.

Любой обыденный опыт подсказывает, что отношения между скукой и временем совсем непростое. Как можно говорить о скуке в категориях времени?

Скуку можно рассмотреть в двух ракурсах: время внутри скуки и историчность самой скуки. Следует оговориться, что скука бывает ситуативной и фундаментальной. В данной статье интерес находится в области фундаментальной.

История скуки. Может ли у фундаментального экзистенциального настроения быть своя история? Ведь оно вневременно. Но первые известные нам устойчивые черты культурной формы скука приобрела в поздней Античности и существовала в этом качестве на протяжении всего Средневековья, будучи известной под именем *acedia* или *accidia*: латиняне именовали так «лень» или «вялость». У родоначальников нашей культуры – древних греков, если верить словарям, специального слова для «скуки» не было, хотя были и «праздность», и «невозмутимость», и «равнодушие». Таким образом, как устойчивая общекультурная форма скука древним грекам, по-видимому, была не свойственна.

Понятием скуки, хоть сколько-нибудь сопоставимым с ныне действующим (и самим явлением), мы обязаны христианству. Впервые слово *acedia* получило смысл, отличный от античного и куда более интенсивный, в IV в. в устах отшельников, обитавших близ Александрии. Одолевая их в полдень будто бы беспричинная невыносимая тоска была осознана как состояние демонической одержимости. В этом качестве ее впервые описали Эвагрий Понтийский (346–399) и Иоанн Кассиан Римлянин (360–435). Полуденные демоны, по их словам, внушали монахам нестерпимое отвращение к избранному пути, тоску по жизни до пострига с ее мирскими радостями, соблазнами оставить келью и уйти куда угодно, лишь бы спастись от тоски. Это-то представление о «скуке», а также термин и унаследовали Средние века.

Если для людей современной эпохи скука скорее психологична, то *acedia* Средневековья – связывавшаяся с безразличием и праздностью – была понятием прежде всего моральным. В переживании этой неблагоприятности Творцу и отказу от душевного труда человек считался виноватым и был обязан его преодолевать.

Люди Возрождения с их тенденцией к натуралистическому видению мира предпочли именовать извест-

ную им разновидность скуки «меланхолией». То была уже не вина души, а болезнь тела; как таковую ее следовало лечить. Но, по сути дела, все было куда сложнее: тогда же слово «меланхолия» стало насыщаться и смыслами мудрости – более глубокого, чем у человека с незамутненной душой, чувствованием мира с его тщетой, суетой, обреченностью, горькой мудростью.

«Невыносимее всего для человека, – писал в начале Нового времени Блез Паскаль, – полный покой, без страсти, без дела, без развлечения. Тогда он чувствует свое ничтожество, свое одиночество, свое несовершенство, свою зависимость, немощь, пустоту. Немедленно из глубины души поднимается скука, мрак, горесть, печаль, досада, отчаяние» [1. С. 53].

Так Паскаль описывал осознание, переживание человеком того, что все дела, развлечения и удовольствия, за которыми не устает гоняться человек, – бесконечное бегство от того, чтобы взглянуть в глаза реальности. «Единственным средством, утешающим нас в наших горестях, – говорил он, – служит развлечение, но в то же время в нем и величайшая беда наша, потому что оно, главным образом, и мешает нам думать о себе. Не будь его, мы жили бы в скуке, а эта скука побудила бы нас искать более верных средств от нее избавиться. Но развлечение улаживает нас, и с ним мы нечувствительно доживаем до смерти» [1. С. 123].

Но европейская мысль и европейское чувство двинулись в другом направлении, чем то, которое предлагал Паскаль.

Англичанин Роберт Бертон, живший на стыке XVI–XVII вв., автор «знакового» для своего времени труда «Анатомия меланхолии», давший первое энциклопедически полное описание и душевных, и общественных истоков этой болезни, признавался: «Я пишу о меланхолии, дабы избежать меланхолии. У меланхолии нет большей причины, чем праздность, и нет лучшего средства против нее, чем занятость» [2. С. 233].

«Человек, – говорил Иммануил Кант, – это единственное животное, которое должно работать» [3. С. 315]. Работать, работать, чтобы исцелиться от пустоты и скуки – «медленной смерти», в которой он испытывает презрение или отвращение к собственному существованию. Работать не с прагматическими целями – с самыми что ни на есть экзистенциальными: заполнив время содер-

жанием, спасти душу от распада. Все-таки «человек ощущает свою жизнь через поступки» [3. С. 364].

С тех пор европейский человек все больше работает, тем более остервенело, чем менее это его спасает от невыносимой скуки.

Счесть ли случайным, что в русских памятниках письменности слово «скука» с ее производными раньше Петровской эпохи не встречается? Следует ли предположить, что русские, вступив в общеевропейское Новое время с его ценностями новизны и достижения, приобрели и негативную скуку?

Другие точки зрения на скуку более редки. Одну из них высказал в последние часы затишья перед историческими катаклизмами рубежа веков Иосиф Бродский. «Когда вас одолевает скука, – говорил он в 1989 г. молодым американцам, выпускникам колледжа в Дартмуте, – предайтесь ей. Пусть она вас задавит; погрузитесь, достаньте до дна... Она представляет чистое, неразведенное время во всем его повторяющемся, избыточном, монотонном великолепии. Скука... – это ваше окно на бесконечность времени, то есть на вашу незначительность в нем... Ты конечен, – говорит вам время голосом скуки, – и что ты ни делаешь, с моей точки зрения, тщетно... Это, конечно, не прозвучит музыкой для вашего слуха; однако ощущение тщетности, ограниченной значимости ваших даже самых высоких, самых пылких действий лучше, чем иллюзия их плодотворности и сопутствующее этому самомнение» [4].

Бродский придавал скуке смысл, сопоставимый с религиозным смыслом Паскаля, но без религиозных импликаций. Поэтому, обращаясь к аудитории широкой и разнородной, поэт заменяет имя Бога одним из доступных его иноказаний: именем Времени.

«Ибо скука – вторжение времени в нашу систему ценностей. Она помещает ваше существование в его – существование – перспективу, конечный результат которой – точность и смирение» [4].

Скука – это раскрытие основ бытия. Требуется мужество, чтобы это выдержать, не убежать от этого какое-то время в деятельность. Скука с ее целями – своего рода эскапизм, тем надежнее действующий, что имеет в нашей культуре очень высокий статус. Скука – переживание вторичности всех человеческих смыслов, неизбежной условности и ограниченности всех наших дел. Именно поэтому жить в ней нельзя – и именно поэтому в нее время от времени необходимо возвращаться.

Скука с точки зрения психологии нашего времени – это тоска по позитивной цельности.

Скуку называют продуктом постиндустриального и информационного общества, выделяя несколько характерных причин: множество свободного времени или «неубиваемое» время, автоматизированность жизни, доминирование потребительского идеала, неограниченность разноплановых, но равнозначных смыслов, недостаток персонального смысла. Социологические опросы показывают, что каждому человеку знакомое чувство скуки. Употребление слова «скука» повысилось, по сравнению с предыдущими эпохами. Также о скуке говорит разнообразие форм деятельности, которые быстро переключают внимание с одного объекта на другой и тяготеют к иррациональности. Эти формы

не что иное, как способы ухода, избегания скуки. Современная культура компенсирует скуку через гигантскую индустрию развлечений. Культура создает множество рецептов, положительных и отрицательных, это туризм, карьера, алкоголь, наркотики, смена работы, круга общения, жилья и даже семьи, Интернет и телевидение, экстремальный спорт и др. Следует отметить интересный факт, что требование работающих и обучающихся в исключении отчуждения из процессов работы и образования также говорит о доминировании скуки. Автоматизированность современных процессов, постоянное их повторение исключает активное вмешательство человека, вызывает скуку.

Скука стала одним из важных культурных феноменов несколько веков назад. Как считает Ларс Свендсен, идейно-историческую основу для понимания современной скуки заложили романтики.

Романтизм с гипертрофированным субъективизмом обожествлял природу, детство. Современную ему ситуацию понимал как разрыв с идеалами, современность недостаточна, современность утратила нечто важное. Проект романтиков – это всегда поиск утраченного, поиск совершенства, гармоничности. Можно сказать, романтики создали идеал нового человека, одинокого и ищущего себя, ищущего смысл жизни.

Но достигнуть этого идеала невозможно. Я не может заполнить себя самим, но постоянно стремится обрести содержание, близкое к идеалу. Концепция, представленная в западной цивилизации от романтиков и далее, акцентирует внимание на экзистенциальном или индивидуальном смысле, который должен быть реализован. Так, по Л. Свендсену скука становится обыденным явлением современного человека.

Насколько такая точка зрения оправдана, позволит ответить анализ времени внутри скуки.

«Настроение скуки – это не просто опыт времени, но это, прежде всего, опыт длительности» [5. С. 174].

Все психологические переживания можно рассматривать только в контексте времени, т.е. они могут длиться, но не имеют пространственной определенности. Так почему экзистенциалы считаются вневременными фундаментальными настроениями?

Длительность скуки другая, чем, например, длительность музыкального произведения или спортивной игры. Ощущение длительности принципиально другое. Если смотреть скучный фильм, то он скучен для нас, скорее всего, своим сюжетом или композицией, скучный человек скучен своей ролью. В скуке такие понятия, как сюжет, композиция, роль, цель, какой-либо смысл отсутствуют. В скуке нет действий. Скука открывает нам длительность, поскольку время в скуке тянется бесконечно долго, скука порождает ощущение избыточности времени. Вглядываясь в прошлое, можно заметить, что моменты скуки как бы вычеркиваются из жизни, превращаются в мгновения. Наоборот, интересное в настоящем быстротечно, но его содержание наполняет жизнь, делая её более длительной, продлевая моменты прошлого. Настоящее в скуке растягивается, прошлое и будущее ощущаются в моменте настоящего, в поглотившей все и всех скуке. Время становится пустым и незаполненным, его слишком много. «Я» взирает на мир из пустоты и с точки зрения бесконечности.

Скука сама становится бесконечностью. Поэтому скука так полюбилась философам, поскольку именно она открывает мир таким, каков он есть, роли, действия и сюжеты не конструируют «Я». Скука – «это ваше окно на бесконечность времени, то есть на вашу незначительность в нем» [4]. То есть скука является экзистенциалом, поскольку в таком состоянии человек отрешается от внешних наполнителей жизни и остается наедине с собой.

«Я» всегда предполагает наличие Другого, причем этот другой может и не быть человеком. Другой – это тот, кто не «я», например, телевидение тоже может рассматриваться как Другой. Скука связана с понятием Другого, как, в принципе, все, что связано с сознанием. Связь может осуществляться разными путями как попытка избегания скуки или осознания её через взгляд со стороны.

Избегание заключается в том, что мы отказываем в избыточности времени Другому, при этом начинаем страдать от собственного. Другой воспринимается как сценарий или роль, которые «Я» либо принимает, либо нет. Такая установка является эстетической. «В той мере, в какой окружающий мир, вещи и люди для эстетического человека имеют ценность лишь в качестве функции, способности очаровывать, стимулировать, соблазнять, всякий отдельный человек имеет ценность для другого лишь постольку, поскольку он соблазняет и очаровывает. В нигилистическом обществе скучные для других, бесполезные, ненужные люди – это те, кого следует избегать» [6. С. 89]. Таким образом, суть в том, что, отрицая избыточность времени у Другого, человек бежит от собственного.

Взгляд со стороны позволяет увидеть механизм возникновения скуки. Если рассмотреть собственную длительность скуки как длительность другого, то становится понятным, что не хватает упорядочивания, цели или сценария. Но если избыточность скуки исключить, то этот «я» или Другой сразу перестанут быть

самими собой. Лишь в проживании избыточной длительности возможна рефлексия.

Со стороны можно сказать, что скука имеет время, т.е. человек периодически впадает в это состояние, или правильнее будет сказать, что скука периодически открывает человеку свою глубину. «Интимность скуки в том состоит, что, будучи глубоко нашей, она вместе с тем, приобщает к себе и другого» [5. С. 177]. Внутри экзистенциала скуки – время не течет, не имеет начала и конца. Человек никогда не оформлен во времени, а избыточность другого разрушает моё восприятие другого как законченного.

Таким образом, рассмотрение отношений времени и скуки внутри и снаружи приводит к таким выводам: скука имеет свое историческое развитие в общекультурном плане, скука существовала всегда, развитие же сейчас получило с приходом новых ценностей – оригинальность, новизна и космополитичность. Как экзистенциал скука существует вне времени, она обладает неискоренимым постоянством человеческого существования. Поскольку скука есть избыточность длительности, бесконечность растянутого настоящего, пустота без эстетических определяющих (сценарий, роль, сюжет и др.), поэтому скука способна породить самосознание и рефлексия.

Но как тогда возможно то, что скука, например, в Древней Греции не была зафиксирована в понятии? Как может скука настолько близкая каждому человеку когда-то не быть? Скорее всего, описанный экзистенциал существовал в языке разных эпох под разными псевдонимами – страдание, тоска, безразличие, печаль, летаргия, томление, хандра, меланхолия и т.д. Фундаментальная скука всегда присутствует в человеке, но в ценностях нашей эпохи она приобрела остроту. Требования нашего времени – новизна, быстрая сменяемость одного другим, плюралистичность ставят скуку в ряд важных культурных проблем человечества, которые надо и обсуждать, и решать.

ЛИТЕРАТУРА

1. Паскаль Б. Мысли о религии. Минск: АСТ, 2001. 223 с.
2. Бертон Р. Анатомия меланхолии. М.: Прогресс-традиция, 2005. 830 с.
3. Кант И. Основы метафизики нравственности. Критика практического разума. Метафизика нравов. СПб.: Наука, 2007. 528 с.
4. Бродский И. Похвала скуке. Режим доступа: <http://lib.ru/BRODSKIJ/skuka.txt>, свободный.
5. Панкратьев О.В. Скука. Альманах молодых философов. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2004. Вып. 4. С. 174–184.
6. Хюбнер Б. Произвольный этос и принудительность эстетики. Минск: ПроPILEI, 2000. 152 с.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 18 марта 2010 г.